

Юрий Михайлик

О Гарике Голубенко

Когда-то, много лет назад (а у меня теперь все происходило много-много лет назад), наш друг на своем автомобиле вез меня с семьей на Большой Фонтан. И по дороге рассказывал, как ему довелось по этому же маршруту везти кошку, и что она вытворяла, сойдя с ума от поездки и вырвавшись из сумки, в которую ее поместили.

Семья у нас небольшая, всего три человека, и вели мы себя, как три кошки, обезумевшие от рассказа, разве что вцепиться в потолок никак не могли. Хохотали все, кроме

рассказчика, он иногда позволял себе снисходительно улыбнуться нашей реакции. Так мы и доехали в грохоте и хохоте...

Георгий Андреевич Голубенко, Гарик, как звали его все, кто знал близко, был одарен блистательным чувством юмора – именно блистательным, ибо самые обыденные, самые привычные предметы и события в его понимании и видении оказывались сверкающими, странными, чудесными, попавшими в нашу жизнь из совсем иной, полусказочной действительности. Там одес-

ская бандерша преображалась в грозную предводительницу азиатских пиратов, там пожар на Слободке, как в увеличительном стекле, собирал в себе весь наш тогдашний мир, и оставалось только удивляться, что мы еще существуем на Слободке и в других местах, горим, сгораем, но живем в своем перманентном пожаре...

Гарик рассказывал, мы хотели, а он смотрел на нас серьезно и снисходительно, ибо знал еще что-то...

Спорили за столом, как это нужно называть – тюбик чая, или цыбик чая, или кубик чая... «О чем вы спорите, девушки? – тихо сказал Гарик. – Предмет исчез».

Все вокруг исчезало, преображалось, становилось иным...

Он играл в КВН, и звезда Янислава Левинзона взошла в чтении фельетона Гарика, он работал на телевидении, он вместе с Валерием Хаитом и Леонидом Сущенко (дорогие мои люди!) писал пьесы, и они ставились, игрались, ездили по разным городам, а потом и странам. Но я совсем не об этом. Совсем не об этом.

Я о том, что за феноменальными легкостью и изяществом, за добрым розыгрышем и внезапным каламбуром, за «капустными» и иными спектаклями – за этим, казалось бы, воздушным трудом таилось гордое и непреклонное мужество. Мужество стоическое, неизбывное, делимое только с любимой Таней. Он никогда не говорил об этом. И я не стану. Просто прошу поверить: их дом, их любовь, их ежедневный подвиг могут повторить совсем не многие. И тем лучше бы не пришлось...

Мы никогда не говорили с Георгием Андреевичем о дружбе, мы никогда не признавались друг другу в добрых чувствах. И работали, в общем, в разных, хотя и соприкасающихся сферах.

Но мы точно знали, что можем сказать друг другу самые суровые слова о его или моей работе, ибо за нашими оценками

всегда стояло давнее и искреннее уважение и желание, чтобы товарищу сопутствовал успех по самым высшим меркам и творчества, и жизни.

Эмиграция – тяжелая работа. И однажды в горькую минуту в доме раздался телефонный звонок. Снял трубку. И услышал свои собственные стихи. А потом Гарик сказал: «Мы тут с Игорем Кнеллером сидим на Пушкинской, стихи читаем. Вот решили позвонить».

Я, как и все, не знаю, сколько буду жить. Но знаю, что про этот звонок буду помнить всегда, дорогой мой друг, Гарик, Георгий Андреевич, хороший писатель Георгий Голубенко.

